

АЛЕКСАНДР
МАЛИЙ

В ЗОНЕ
ПРИКОСНОВЕНИЯ

18+

Александр Малий

В зоне прикосновения

<https://litres.ru/74217968>

SelfPub; 2026

Аннотация

У кого ты должен спрашивать тайну любви, кроме как у своего сердца, единственного вместилища любви. Никто другой и ничто другое не знает ответа на твои вопросы. Но если твоя любовь за границами сердца, – какие ответы ты хочешь там найти? Их там нет. Если твое сердце закрыто для любви – там вообще ничего нет. Любовь – причина бытия, все остальное – следствие.

Александр Малий

В зоне прикосновения

Скажи мне о любви

Я только путник, пилигрим, не пророк, ни грешник, ни судья. Мы можем не понять друг-друга.

Ты спросишь – почему?

Потому, что мы не умеем жить, как живете вы – земляне. Мы так не любим, как привыкли вы, нам непонятна ваша любовь. Ваша любовь только рассвет, в крайнем случае – весна, так они скоротечны. Любовь не стала вашей жизнью. Ваша любовь – только продолжение рода. Вы делите ее на детскую, взрослую, мужскую и женскую, праведную и грешную и еще, невесть, какую. Вы ее раздробили так, что она превратилась в пыль, в хаос, физические наночастицы, вместо духовной вечности и бесконечности.

Вам стало трудно заглянуть в себя, ибо вы там ничего не можете увидеть, кроме пыли и хаоса. Вы не понимаете, что разнесенная на атомы любовь ничего не сотворит в вашей душе. И вы пытаетесь творить умом, руками, головой, забывая, что яблоко познания ведет к изгнанию из рая, в котором вы живете. Но вы даже этого не в состоянии понять, и листаете Библию в поисках Рая.

Вы продаете и покупаете любовь, вернее то, что называе-

те любовью. Вы заключаете сделки со своей совестью и разумом. Вы ищите оправданий. Вы пытаетесь найти выход...

Не способные жить - пытаются имитировать жизнь. Для чего?

Не проще ли, любить не оглядываясь: мир, человека, детей, стариков – всех, одной большой любовью, не разделяя, не прицениваясь, не соревнуясь. Каждый достоин любви, она необходима всем. Ограничивая другого – ограничиваешь свой мир, а значит и себя.

Не ограничивай себя, ибо забираешь у всех. Люби, попирая земное: законы, традиции и приличия, понимая, что они придуманы кем-то, дабы оградить вас всех от истины. Уничтоженное в твоём сердце – невосполнимая утрата для всего любящего. Не прячь и не выставляй напоказ – люби...

У кого ты должен спрашивать тайну любви, кроме как у своего сердца, единственного вместилища любви. Никто другой и ничто другое не знает ответа на твои вопросы. Но если твоя любовь за границами сердца, – какие ответы ты хочешь там найти? Их там нет. Если твое сердце закрыто для любви – там вообще ничего нет. Любовь – причина Бытия, все остальное – следствие.

Любовь не жертва, не отречение, любовь не требует жертв. Есть лишь условности, вами созданные, посредством которых вы пытаетесь набить себе цену или острее ощутить жизнь, попытаться ощутить себя живым или заставить себя

жить. Все это тоже *из области имитации* чувств, реальности, жизни.

Если нет условностей – нет преград, нет необходимости жертвовать чем-то или кем-то. Не создавайте условности, это не от Бога. Это от вас.

Никто никого не сможет заставить себя любить. Вы не можете *заставить себя* любить: хоть кого-то отдельно, хоть мир в целом. Любовь не терпит насилия, даже самого минимального, - она сразу рушится. Вы не можете себя заставить. Вы не можете принять решения: буду любить, - и последовательно добиваться поставленной цели.

Ты не можешь управлять любовью потому, что любовь не часть мира, или часть жизни. Управлять можно только частностями, оторванными от целого. Можно управлять машинами, чувствами, эмоциями, толпой. Но, любовь – не чувство, как многие думают, любовь – божество. Не оно в тебе, а ты в нем. Ты можешь прибывать в нем или нет, но управлять им – свыше твоих сил. Ты можешь испытать его до дна, испытать сердцем, а не устами, а можешь и не узнать никогда о его существовании.

У любви, всегда распахнутые двери. Но ты не войдёшь в них, не распахнув своей души для познания себя и мира.

Любовь - ключ ко всем замкам, как собственного познания, так и познания мира. Ты не можешь назначить любовь, но принимая ее, уже делаешь к ней первый шаг.

Принять может тот, кто познал. Я сказал тебе о любви,

но это мое познание и тебе оно может и не сгодится. Оно может тебе понравится или нет, но не в этом дело. Просто, *это* не твое. В мире духовности ничего невозможно присвоить, можно только постичь. Постичь, опираясь на небо, воду, землю, ветер. Самостоятельно.

Я только ветер, наполняющий паруса твоей лодки, а штурвал в твоих руках.

2022 г.

Я так люблю тебя

Я так люблю тебя, что если бы тебя не было – я бы тебя придумал. Я люблю тебя, как любят богиню, небо и солнце, тепло огня и покой земли.

Это так естественно: любить тебя, идти за тобой по миру, ждать тебя, даже если ты рядом, в соседней комнате; искать тебя во встречных глазах, улыбках, цветах; вдыхать тебя встречным ветерком, вслушиваться в плеск твоих слов, растворяться в восторге твоих впечатлений, засыпать рядом с дыханием твоей души, осторожно входить в твои сны и уже безмолвно, не размыкая уста, а лишь одним легким усилием полусознания повторять как молитву: «Я так люблю тебя...».

Удивительное чувство. Такое большое, бесконечное, такое легкое и светлое, что ничего не может удержать его у земли. Оно живет у нас, а мы в нем, мы есть... и нас нет... мы вокруг, вокруг, во всем; нас подхватывает и несет, крутит

и завихряет, но нам все равно: куда, зачем. Пусть хоть куда, чтобы вместе, рядом, постоянно.

В нем сила, расправляющая птичьи крылья и вращающая землю, тепло сжигающее зиму.

Создатель смотрел на тебя, задумывая женщину, а создав ее, смял недовольно глиняную заготовку, и пустил на землю тебя, воплотив в босоногую деревенскую девчонку.

Как хорошо, что полевые дороги такие узкие, как хорошо, что бескрайние степи, как на ладонях, держат на виду одинокий силуэт, как хорошо, что даже когда дороги не пересекаются, можно идти напрямик. Как хорошо, что степь так широка, что идя рядом, мы не страдаем от низких потолков небосвода. Как хорошо, что степным дорогам нет конца.

Когда же они расходятся и я остаюсь наедине с собой, моя душа открывает завесу пространства-времени и несется к тебе, и уже там, вдали и выси, неподвластная разуму и воле, ищет твоих милых рук, усаживается тебе на колени и уже оттуда, с небес, падает ко мне вместе с твоим образом, и я удивляюсь и радуюсь счастливому случаю, как будто это впервые и больше никогда такого не будет, и спешу рассказать тебе обо всем, что было со мной, пока я искал тебя. Ты улыбаешься и молчишь, и смотришь в небо, как будто тебе уже время, как будто ждет тебя, где-то там, небесный троллейбус, и вскоре нам придется уже расставаться; а иногда заглядываешь мне в глаза и будто спрашиваешь: «Любовь... это путь в

вечность? И... если это вечность, то почему люди так боятся ее? Или они не знают, что такое любовь?»

Я ищу ответа и не нахожу. И тогда мне кажется – я начинаю терять тебя. Нет, ты еще здесь, возле меня, но уже маленький холодный ручеек вкрадывается между сплетенных пальцев, я знаю, что если я не найду ответа, он ежесекундно будет наполняться моим ничтожным молчанием, углубляться, расширяться, будет наливаться злостью и темнеть так, что поглотит нас обоих. И тогда уже ничего не останется, как вместе пойти ко дну, или спастись в одиночку. Это такое его условие: хочешь выжить – отрекайся, спасайся сам и не думай о ней, а нет – гибель для обоих.

Всё это уже было...

Мы сидели на краю Земли и ласковые волны ожидали ответа на твои вопросы. Только тогда я был еще совсем зеленым мальчишкой, а ты рассудительной, спокойной и уверенной женщиной. И мое сердце лежало в твоих ладонях, и ты играла им, как морской ракушкой, так же пытаюсь открыть его, как невинное морское создание. Я чувствовал твоё превосходство и от этого терялся еще больше. Чувство собственного несовершенства вдавливало меня в песок Атлантического пляжа по самые уши. Я готов был нырнуть с головой в эту барханный белесый шорох веков, чтобы хоть на минуту овладеть собой, своим умом и найти ответы на твои вопросы.

Но молчание еще не имело веданты завершения. Я не

успел опомниться, как золотистые солнечные блики волн превратились в темно-зеленую змеиную кожу: скользкую и холодную, как всевозрастающая скорость прилива раскачала водную гладь, как волны, набегая все чаще, все настойчивее стали хватать нас за ступни, голень, колени, брызгать в лицо, застывая солеными белыми пятнами в уголках губ. И невозможно было уйти, - ибо, зачем, потому что ответ, казалось, вот уже - здесь! Сейчас вынырнет из этой пены, и уже не нужно будет искать пути к твоему сердцу, оно упадет рядом с моим и я великодушно позволю тебе поддержать наши сердца в твоих руках. И от того стану выше, стану вровень с тобой. Это мгновение казалось вот-вот наступит. Ощущение твоей близости держало нас в оцепенении, в тревожно-радостном ожидании: еще секунда, еще мгновение и исчезнет неизвестность, непонимание, боязнь и застенчивость и будет говорено, и будет услышано, и все остальное уже не будет иметь смысла, потому, что уже сейчас оно колыхнется на грани существования, еще мгновение и не останется ничего, кроме нас двоих.

Две волны, догоняя друг друга, образовали огромную змеиную пасть, которая взвилась, вздыбилась как кобра и в тот момент, когда она уже готова была упасть на нас, пришло простое и ясное осознание: «Напрасно искать ответы в бесконечности, все ответы в каждом из нас...»

Наши души, последним человеческим взглядом еще прощаются в поднебесье, но каждую ждет свой путь, свой Круг

Жизни и свои обязанности. Два длинных разных пути к новой встрече...

...Нет, я не позволю этому ручейку разростись и поглотить нас. Это все уже было и будет множество раз, в другом месте, при других обстоятельствах, снова и снова я буду стоять перед этой змеиной пастью. Пожалуй, время...

Пора отпустить свою душу. Лети, душа...

Пусть она прикоснется к твоей, здесь, на земле. Пусть ее фиолетовое сияние сольется с лилейным сиянием твоей души и станут они одним целым: с собой, с небом и землей, ветром и огнем, с вечностью и бесконечностью. Ибо не ответа, не слов ждет твоя душа. Здесь, на земле, она ждет только мою душу. И я дарю ее тебе: она твоя...

И мы уже никогда не расстанемся, потому что вечность и бесконечность уже теряются в единстве наших душ, как одинокая цельность песчинки с Атлантического пляжа, теряется в океанской пучине.

2012 г.

Неотправленное письмо

С вечера пятницы, нарядился дождь. Как-то незаметно, со сплошной мрячной завесы, - не то тумана, не то ползущей по небу тучи, стали отделяться дождевые капли, барабанить по земле под собственные ритмы незамысловатых этюдов,

соединятся в ручейки, лужицы, маленькие грязные озера. Вначале это не привлекало внимания. Исписанные слезами дождя, оконные стекла надежно ограждали от холодной слякоти и весеннего разгуляйства своевольного бродячего ветра, безнаказанно терзающего верхушки тополей под моими окнами.

Разнообразие проплывающих внизу зонтиков удивляло: маленькие, большие, черные, цветастые... Дрейфующие островки чьих-то жизней, такие одинаковые и такие разные, схожие и в тоже время отличные, как и те люди, которые прячутся под ними, как их дела и заботы, выгнавшие их на улицу в такой час.

К вечеру субботы дождь, то усиливающийся, то на минуту утихающий, становился уже просто злым янычаром, стерегущим у дверей подъезда.

Воскресный день погоду не исправил. Как и его субботний собрат с самого утра плелся в фарватере дождя и ветра, словно бурлака, тащил по извечному кругу набухшие стрелки часов, топил в лужах последнюю надежду на прогулку весенним сквером, безжалостно крошил на асфальт первую сиреневую невинность и моросил, моросил...

Нет, надо хоть как то разорвать эту скуку и серость, запершую меня в квартире. Уже испытаны все способы отвлечения, осталось только одно: бежать из этого плена. Хоть несколько минут, пусть под дождем, по лужам, но все же по-

бродить по аллеям ближайшего парка, а потом вымокшему, промозглому, снова вернуться в тишину и покой квартиры. Может быть тогда место домашнего заточения снова превратится в милый сердцу уютный уголок.

Впрочем, дождю и ветру не слишком долго пришлось убеждать меня в этой истине. Небольшой тополино-кленовый скверик на Холодной горе: одна аллея – три скамейки, уже заканчивался и я готов был повернуть домой, в очередной раз уверовав в квартирный рай, как вдруг, на последней скамейке я заметил небольшой конверт. С фотографии, на размокшем конверте, мудрыми глазами глядело чье-то почти знакомое лицо, но не это было важно. Конверт..., письмо.... В наши дни? Удивительно.

Мысленно я уже был у дверей квартиры, а рука машинально тянулась к находке. Содержимое – несколько тетрадных листов, основательно промокло, особенно на изгибах. Некоторые слова вообще читались с трудом, к тому же начало письма пестрело замысловатыми закрутками затушованных фраз. Первые четыре строки вообще было никак не разобрать. Промокшая бумага грозила вот-вот расползтись под моими пальцами. Кое-как, приспособив зонтик между шеей и плечом, я принялся читать, машинально отмечая, что дождь бьёт как раз с той стороны, которая оставалась неприкрытой. Впрочем, я не собирался задерживаться, так... посмотреть, пробежать глазами: это что-то важное, или так, белиберда забытая или оброненная проходящим растяпой.

Но то, что открывался за первыми разборчивыми фразами, как-то сразу заслонило и дождь, и сырость, и неуютность, и неприкаянность. Зонтик, сперва соскользнувший с плеча, а потом, благополучно отправленный мною на скамейку, покорно замокал на ее холодных ребрах. Я читал...

«...Откуда у Вас это желание, увидеть меня, встретиться? Ну, что Вы в самом то деле... нам нельзя встречаться. Более того, если когда-нибудь, Вы увидите меня, даже случайно, где-то в толпе, - не окликайте. Бегите!

Почему? Знаете, я только начинаю думать о Вас, как сладкий дурман заползает в мою душу, туманит разум и я чувствую, как становлюсь безвольным и бессильным. Я уже не владею собой, я плыву, плыву по волнам моей памяти, я вновь возрождаюсь в том времени, где Вы снова та, самая милая, самая красивая и желанная девчушка на свете. И я, задыхаясь от волнения и восторга, шепчу: «Как же я люблю тебя...».

Да, я по-прежнему люблю Вас. Я знаю, я уверен, что и Ваши чувства не угасли и потому не дай нам бог, встретиться опять. Потому, что тогда Вы будете моей и ничто, ничто не помешает, - далее строка терялась в сплошном фиалете.

Я оглянулся по сторонам. Откуда-то пришло странное ощущение, словно кто-то подсматривает за мной. Но скверик по-прежнему был пуст и я продолжил...

“Помешает... Господи, какое смешное, глупое слово. Какое ничтожное, против того чувства, которое живет в наших

душах, я же знаю, что нет в этом мире ничего большего, чем та сила, что живет в нас двоих. Она дремлет, потому, что между нами время и расстояние. Но если мы встретимся, если мы станем на расстоянии вытянутой руки, фактор времени перестанет существовать. Время остановится. Нет, оно исчезнет, как тогда, в ту единственную ночь, когда я держал Вашу ладошку в своей руке, ночь напролет. Стоит, только, мне снова прикоснуться к Вашей руке... Вы сможете назвать кого-то или что-то, способное нас остановить, удержать нас у обрыва, спасти, наконец. Можете? Я – нет!

Вы были временем, в котором я жил, Вы были воздухом, которым я дышал. Когда Вы уходили - мир низвергался в бездну, когда Вы появлялась, он воскресал из пепла. Вы были во всем и везде. Я ловлю себя на мысли, что наделяю Вас божественными свойствами, но так оно и было: Вы были моей богиней. Но...

Со временем я все больше убеждался, что никогда не осмелюсь не то что поцеловать, даже обнять Вас. Я смущался и робел в Вашем присутствии, я не находил слов, а Вы великодушно прощали и искали встречи со мною. Но Ваше великодушие все больше становилось для меня унижительным. Я понимал, что я никогда, никогда, за всю свою жизнь, так и не смогу сравниться с Вами, дотянуться до Вас, как бы не старался! Наверное, это и стало причиной моего бегства. В сущности, я был еще пацан и в то время Вы были для меня чем-то слишком недосягаемым. Я мог бы восторгаться Вами

всю жизнь, но всю жизнь, как я думал, чувствовал бы свою ущербность. Я чувствовал, что я ниже Вас, как бы мог я с этим жить..

Как смешны мне теперь эти полудетские беды и проблемы. Как будто я не понимал, как меняюсь, как тянусь за Вами в эту манящую и желанную высоту любви, высоту человеческих отношений. Наверное, оставалось совсем немного времени до того часа, чтобы я смог сбросить мою «лягушечью кожу» и стать вровень с Вами. Но не судилось.

Ныне я другой. Испушен жизнью, испушен женщинами. Знающий цену и знающий толк... Я мог бы наговорить о себе кучу гадостей или приписать себе кучу достоинств, в зависимости от высоты или низменности моих побуждений, но я хочу быть прежним: чистым и откровенным. Поэтому, не вникая в мою сущность, просто послушайте меня.

Не думайте обо мне, не ищите встречи со мной, даже не надейтесь на встречу, а увидев меня – бегите! Иначе то, что живет в нас, разрушит Ваш мир, да и мир вообще.

Все уже станет по-другому. Жизнь свою, Вы начнете делить на время до этой встречи и после. Ваша душа, преступившая границу приличия, вечно будет маяться и казниться минутной слабостью, Ваша благовоспитанная совесть никогда не даст вам покоя.

Вы будете жить с вечным чувством вины перед своим мужем, разрываемая между желанием покаяться перед ним и желанием навечно забыть, стереть с памяти все, что случи-

лось.

Неужели, Вы этого хотите?

Вообще, было страшной глупостью, с Вашей стороны, заговорить со мною в этом интернетно-виртуальном мире. Ловлю себя на мысли, что это хоть и социальные, но все же сети. Сети – какое подходящее слово для такой ситуации...

Не скрою, мне были приятны эти Ваши слова ни о чем. Это были даже не слова – так, легкое дыхание на моей щеке, навеянный заплутавшим ветром запах Ваших волос, мимо-летно брошенный взгляд из дальнего далеко. Но даже этого оказалось достаточно, для того, чтобы всколыхнуть прошлое, чтобы заговорила память, чтобы проснулось вдохновение, а взбудораженное воображение уже искало тропинку в ад.

Это как внезапное пробуждение ранним утром, когда все еще спят, когда вокруг тихо и светло и ты, проснувшись, вслушиваешься в тишину, внезапно пронизан ощущением прелести мира вокруг тебя. Тебя переполняет неукротимое чувство радости и любви ко всему вокруг; счастья оттого, что солнце светит, что тишь и благодать вокруг. Что она сродни с гладью утреннего озера, такая же, никем не тронутая: и не всплеска, ни ряби на ней, только высокое небо и солнце в каждой соте этой божественной тишины. И даже маленькая тучка, там, в самой низине, чуть-чуть касаясь этого заповедного пруда покоя и света, никак не портит ощущения счастья, а совсем даже наоборот: воспринимается как неве-

сомый занавес маленькой тайны. Тайны, которая обязательно должна присутствовать в этом волшебном мире, которого никто кроме тебя не видит. И хочется, чтобы этот момент длился и длился, чтобы его никто не испугнул, не потревожил, не вторгся внезапно.

Да, я хотел, я надеялся, я верил, что когда-нибудь Вы скажите Слово и оно будет моим. Я и сейчас хочу, чтобы продлилось это чудо, этот сон наяву, это рассветное ощущение счастья. Но всему есть предел.

Я знаю, что нам надо снова забыть друг друга. Под спящей поверхностью зеркального озера слишком быстрое течение. Стоит, только окунуться, и нас потянет, закружит, и мы уже ничего не сможем сделать, мы слишком любим, чтобы противиться этому водовороту..., слишком. Мы слишком много претерпели и потому легко найдем оправдание. Вы – чтобы успокоить свою совесть, убедить разум, пойти на компромисс с сердцем. Это же так просто.

Я же..., что - я... Даже, не хочу говорить об этом. Не хочу, чтобы Вы читали этот рецепт. А тем более употребили это лекарство, спасающее от ожидания, но уничтожающее Ваш благопристойный мир, как и спокойствие в Вашей невинной душе.

Нет, нам лучше не встречаться, не общаться в Инете, не говорить, да что там – не думать друг о друге, даже не надеяться на случайную встречу...

Давайте оставим в душе это вечное ощущение самого

счастливого, тихого, солнечного утра, со спящем утренним озером посредине.

Давайте...

Иначе утонем...

P.S.

Вы не скажете, - стоит ли жить, если никогда не тонул в собственных чувствах? Да и вообще: можно ли назвать это жизнью, если никогда не тонул в водовороте любви. Это жизнь, или это один большой сон, ты человек ли просто тело, поросшее мхом, как спиленное старое бревно под забором. Чем этот сон отличается от вечного сна? И что есть основа мироздания: вечный покой или безумие любви?

Можно ли умереть, не родившись, а жить не любя. Не любя истово, безнадежно, отрицая все правила и устои, не умирая от предчувствия счастья...

Можно, ли?

Да можно, можно...

Наплюйте на мои заморочки. Это все так..., наваждение майской ночи.

Спите спокойно.

Покой и порядок – основа мироздания. Мы же знаем об этом, мы же верим в это. Мы же любим это и чтим. И нас за это почитают, и мы гордимся этим...

Боже праведный, ты посмотри: какая мягкая словесная цепочка тут выстраивается. И как непринуждённо. Сама со-

бой. И можно продолжать и продолжать, до тех пор, пока она, такая золотаво-шелковистая, не обовьет тебя всего, как удав, пока не сожмет тебя в своих смертельных объятиях, медленно, постепенно, убаюкивающее, так, что ты и не поймешь: уснул ты или умер.

Я думаю, Вы и дальше читали бы это, как и я, - будь Вы, так благосклонны, что написали бы мне...

Мы бы слушали друг друга, будь это произнесено, или читали бы, будь это написано, Вами или мной. Это ведь не важно, что сказано и что написано. Важно, что там: за бессмыслицей слов, главное где-то там..., между ними, в нелепости, ненужности, даже пустоте этих слов и фраз. И не важно о чем разговор, когда каждое слово подвигает две души: ближе, ближе... Еще шаг, еще..., и дальше уже не разобрать слов, не осознать происходящего. Дальше только полет в бездну, в бесконечность, в ничто. Где не за что ухватится, удержаться, где нет никаких ощущений, кроме ощущения тепла Вашей засыпающей ладошки в моей руке. Вы здесь, со мною. Этого достаточно...»

На этом письмо заканчивалось. Я вертел в руках измокшее откровение неизвестной мне души и постепенно понимал: это письмо, скорее всего, нарочно оставлено здесь. Не забыто, не потеряно. Написав, и так и не решившись отослать его адресату, автор просто оставил его здесь, не в силах уничтожить.

Ведь это откровение!

Он просто оставил его здесь, в надежде на то, что кто-то его найдет. Кто-то, - кому оно будет нужно. Он надеялся, что слепой случай, судьба, распорядятся так, что оно попадет в руки тому, кто сейчас в этом испытывает потребность. Кто, как он, мучится и страдает от невозможности забыть, как и от невозможности быть вместе. Это письмо ныне уже адресовано Миру или Человеку. А может, еще только писанное где-то в глубине комнаты, ночи, времени, - оно уже тогда не предназначалось получателю. Может, он писал это, чтобы не завывать по-волчьи в своем убежище, чтобы выплеснуть из себя эту муку: тихо, потаенно, - не напугав ни близких, ни соседей.

Родившись, это послание могло рассчитывать только на то, чтобы в такой же ночной тиши превратится в пепел, но его творец смиростивился над ним, даровав ему судьбу подкидыша.

Так что же мне с ним делать?

Наверное, это письмо в никуда, о вечности и вечном и должно принадлежать вечности. Пожалуй,- подумал я,- будет самым разумным увековечить его в незамысловатом рассказе.

Ну, что же, несчастное послание, ты попало по назначению. Немного сумбурное и путанное, но искреннее, оно уже разливалось во мне сюжетом нового рассказа.

Да, пусть будет так...

Я сложил размокшую бумагу, размышляя куда ее положить, в свою насквозь промокшую одежду, и уже мысленно воображал себя сидящем в своей теплой уютной квартире, занятый его переписыванием, как вдруг, кто-то коснулся моего плеча.

- Простите, вы читали..., только что..., это... письмо...

- Письмо? – В моих руках уже ничего не было, я просто бросил его под рубашку. Сознание уже сложило простенький пазл и мне подсказывало, что этот невысокий, худощавый человек, неопределенного возраста, и есть ни кто иной, как сам автор письма. Я еще готовил в уме варианты ответов, на случай если он попросит вернуть письмо, но он все уже прочитал в моих глазах. Он уже понял, что я дорожу своей находкой, как кладоискатель кладом и скорей всего не стану делиться, а тем более возвращать, даже владельцу то, что уже считаю своим то, что для меня дороже, чем для него. Видимо он был удовлетворен таким поворотом событий, а может, втайне и рассчитывал на такого кладоискателя.

- Простите, еще раз простите, - он говорил, немного растягивая слова, как бы размышляя, продолжать дальше или не стоит. В уголках его карих глаз мелькнула понимающая проникновенность, лицо преобразилось, теряя маску серой безликости, - простите, меня..., - помолчав, он все-таки подобрал нужное слово, - мне... показалось...

Он улыбнулся и эта его улыбка: смесь понимания, сострадания, прощения и снисхождения, еще долго стояла у ме-

ня перед глазами. Я направился домой, прикрывая свое продрогшее тело, уже, в общем-то, ненужным зонтиком и думал, что такими глазами на свет смотрит Бог или мученик, что впрочем, судя по жизни Христа, - одно и то же. И, внезапно, мне стало стыдно.

Я невольно стал свидетелем чужой муки и страданий, я держал в руках чужую душу, ищущую понимания. Понимания и только... Но не присвоения, даже кражи. Он видел в моих руках это письмо, он великодушно простил мне мое вранье, он, вроде бы, даже подарил мне это письмо. Но ведь, все это только потому, что у него не оставалось выбора. Это я не оставил ему выбора. Что еще он мог сделать, как только подарить и простить? Что? Врезать мне покрепче и потребовать вернуть? Так он на это просто не способен. Не способен! Я просто воспользовался его слабостью.

Я машинально потянулся к прилипшему к телу конверту. Нужно вернуться, догнать его и вернуть письмо. Какими бы расчетами он не руководствовался, написав это письмо или оставив его на произвол случая, - меня это не интересует. Это не мое! Я не имею права! А еще солгал... Как низко, Господи, как же это все не достойно!

Ноги сами несли меня к злополучной скамейке. Нужно поскорее покончить с этим делом и домой, домой: в тепло и уют. Слишком затянулась эта странная прогулка с ее этическими ребусами и шарадами. Достаточно.

Силуэт незнакомца уже таял в конце аллеи. Сейчас он

свернет на улицу и смешается с толпой, тогда мне его не догнать. Да..., наверняка, поздно, он уходит с этого парка, да и с моей жизни, наверное. Не гнаться же за ним...

Решение пришло неожиданно. Я уже поравнялся со знакомой скамейкой. Что ж тут думать: здесь я его нашел, здесь и оставлю. Я достал конверт и положил его на скамейку.

Может он еще вернется, а может, его найдет кто-то другой. Зачем мне, действительно, чужое откровение. И какое мне дело до чужих радостей и горестей, до чужой боли или счастья. Я заглянул в чужой мир, став невольным, а может и не нужным свидетелем, при этом, притянул себе в оправдание кучу домыслов и фантазий. Нет, это нехорошо, это как подглядывать втайне в замочную скважину. Зачем я, вообще, читал это письмо? Оставил его кто, или потерял, какая разница. Чужое, ведь!

Я оторвал взгляд от сиротливой белизны конверта и посмотрел вокруг: не видит ли кто моего падения. Я ощущал себя вымоканным в луже. Впрочем, мое душевное состояние вполне соответствовало телесному. Я только что зубами не стучал от пронизывающей меня сырости. Холод, казалось, поселился в каждой клеточке моего организма. Я старался идти быстрее, чтоб хоть как-то согреться и почти бежал, петляя между широченными лужами, балансируя по гребешку узенького тротуарного бордюра, рискуя оступиться, и, для полного счастья, попасть ногой в лужу. Когда я добрался домой, мне показалось, что прошла целая вечность, такая се-

рая, промозглая и ничтожная по своей сути и такая же грязная, как половая тряпка на пороге нашего подъезда.

Чай с лимоном, сухие шерстяные носки и даже вид недавно заклеенных щелей на оконной раме, вернули мне телесное тепло и душевный покой. Отпивая чай, я с нескрываемым превосходством смотрел на заоконную жизнь. Мои чувства в эти минуты были, наверное, сродни чувствам пассажиров, спасенных с «Титаника». Для меня все уже было позади. Тепло и сухо. Что может быть лучше. Я прислонился лбом к оконному стеклу.

...Какая хрупкая граница между уютом и неприкаянностью.

Где-то там, в сквере, - размытые дождем листья уже превратились в бумажную твань. Никто за ними не вернется, никто их не подберет, крик отчаянья, сброшенный со скамейки набежавшим ветром, утонет в грязной луже.

Где то там, в огромном доме, в пустой квартире, чужая надежда еще будет жить. Наивная и слепая, не верящая в печальный финал, она все еще будет улыбаться восходящему солнцу, и благословлять новый день, несущий частицу ее души в копилку вселенского света.

Блажен, кто верует!

Черт! Я опять поступил неправильно, глупо, не по-человечески. Да, я ничего не обещал, а потому, ни к чему не обязан, но невольно соприкоснувшись с чужой душой, я стал соучастником, совладельцем, а значит и ответственным за

дальнейшую судьбу этого творения. А потом, я же видел, видел, как он уходил: спокойно, словно с чувством выполненного долга. Словно передал «черную метку» и теперь возвращается домой. А, ведь, он тоже пришел домой таким же вымокшим и прозябшим, и, наверное, только мысль об удачно сложившихся обстоятельствах сегодняшнего дня грела его душу.

Да что же за денек у меня сегодня!

...Луна, полноликая и светлая, заглядывала в мое окно. К ночи дождь прекратился и ветер, играючи разметал тучи, очистив дорогу лунному сиянию. Где-то там, за пеленой ночи уже зарождался новый день. Солнце, такое долгожданное и живительное уже готовилось к своей премьере, а город только-только начинал пробуждаться, с трудом прогоняя остатки сна, позванивая на безлюдных улицах первыми троллейбусами.

...Странно, но мне почти не пришлось напрягать свою память, чтобы вспомнить и изложить на бумаге все, недавно прочитанное. Это, немного старомодное послание, с трогательным обращением на «Вы», как в старинных романах, лилось с моей памяти почти непрерывно. Передо мной живо всплывали строки, написанные чужой рукой, словно это я, в далеком-далеко, когда-то, написал их, а теперь, вспоминая и веду строкою по чистым листам. Будто возвращаюсь в свое прошлое.

Я почти дословно изложил чужое послание, перечитал и остался доволен. Может где то и допущены текстовые погрешности, но смысл передан точно. Странно, но я чувствовал некое удовлетворение собой: за возрожденные строки, за дарованный судьбою случай. Мне пришлось нелегко, но я чувствовал некое моральное очищение, удовлетворение. Да, я не сверхчеловек, я могу падать, но я чувствую боль и не только свою, но и чужую. Может в этом и состоял экзамен, который мне устроила жизнь. Не знаю. Да и стоит ли сосредотачиваться на самоанализе.

Да, нужно жить. Просто - жить. Быть самим собою, вслушиваясь в шум ветра за окном, в дождливую монотонную дробь по металлу подоконника, в чужие послания; всматриваясь в лица прохожих, в лицо времени, в лицо бесконечности.

2017 г.

Прелюдия

Ночью долго ворочался и не мог уснуть. И не то чтобы больно или тревожно, а так: пусто и темно на душе. Да и души как будто нет, ничего нет, есть какой-то невидимый круг и ты посредине и это твоя бытность. Не жизнь, а исполнение долга, Два длинных года, - за что, зачем? Какая необходимость для Родины-страны чтобы он – Сашка, вот так: вдали

от дома, от родных тянул солдатскую лямку. Да, полгода, с головой хватит, чтобы все усвоить и понять.

За окном - полуночный дождь и только его ласково-монотонный шепот как-то разбавлял, размывал этот невидимый круг, что как обруч охватил душу и давит, давит, давит...

Конечно, армия хорошая школа, утверждение избитое, но правильное и Родину защищать – первое дело. И в армии есть своя привлекательность. Сейчас, по истечении почти двух лет, когда на горизонте уже отчетливо просматривается «дембель», приходили мысли – что дальше? И все чаще звучал тихий и робкий голосок, - может пойти в школу прапорщиков? Служба Родине не хуже работе в колхозе. Что меня там ждет, в родном колхозе? Старенький трактор, разорванный плуг...

Но, Господи ты, Боже мой! Как же пахнет свежескошенная стерня, как дышит весной разбуженная земля, а соловьи в садах, а жаворонки в поле. Устанешь перечислять; там – жизнь, а здесь...

Сашка, оттрубив два года, влез, вжился в солдатскую шкуру и, вроде бы, как свyksя. Удивительно, но при мысли, что через месяц-полтора на дембель, подступала к сердцу, какая-то непонятная мутка. Выстрадано, вымучено немало. Немало пройдено и постигнуто, и в солдатском строю он далеко не последний.

«Да и кто легко может расстаться со своими страданиями», - прав Халиль Джебран, прав.

Не решил еще Сашка, - ничего не решил: возвращаться в родные места или здесь остаться, - не решил.

В полудреме отматывал пленку последних двух лет, проходы, пересылка в областном военкомате, промозглая сырость Старгарда, встретившая его на польской земле.

Далекая и все-таки чужая страна. Хотя, поначалу рвался за границу, как же – мир увидеть. Много тут увидишь: плац, казарма, полигон. Второй год службы, а в городе раз бывал, да и то – со старшиной. Теперь вот – госпиталь и беда вроде бы, и радость. Нарадовался...

Пацаны в палате десятые сны видят, а ему...

Болячка была не страшной, небольшая рана на ноге, не долеченый вовремя термический ожог, что уже превращался в язву. И процедуры несложные: подсушили да повязку стерильную приложили и гуляй. Хотя, какое-там гуляй, практически та же служба, с нарядами на кухню, дневальным. Та же уборка территории, хозработами и прочей ерундой, лишь бы не слонялся солдат без дела. Вот уж попал, - думалось, лучше бы в полку, ходил бы себе в медсанбат, да и все дела. Но где-то к исходу недели Лешка Герасименко, для сослуживцев просто Гера, отвел его в сторонку и доверительно, почти на ухо, пролепетал: - Сань, меня послезавтра выписывают, пойдешь на мое место?

Место у Геры было завидное – дневальный на КПП. В наряд каждый день, но служба только днем, ночью отдых. Да и что там за служба, два раза в день ворота закрыть-открыть

да полы помыть. Но основное преимущество этого поста совершенно другое. В помещении КПП располагался узел телефонной связи, и дежурили на нем гражданские, и не просто гражданские, а женщины. Многие госпитальные пацаны-солдаты с завистью посматривали в сторону КПП. И не то, что бы отношения какие завести, а хотя бы поговорить с гражданским человеком без всех этих «есть» и «так точно», без всеобщего всепоглощающего мата и брани, просто так, по-человечески, как на гражданке.

...Лешка смотрел на него своими голубыми глазами и в них читалось, - ну что Сашка, хороший я тебе подарочек приготовил. Он еще и до пол-года не дотянул свою солдатскую службу и в других бы условиях Сашка, в соответствии с солдатской сословностью, не стал бы водиться с «молодым», но здесь, в госпитале, правила были менее суровые, все вперемишку, одно подразделение, которое, к тому же, постоянно меняло личный состав: одни приходили, другие уходили, кто-то на неделю, на две, кто-то на месяц. Постоянное движение. Воспитанное в строевых частях уважение к старослужащим действовало и здесь, никого не интересовало какое у тебя звание, в звании все были равны. Все в больничных пижамах, все солдаты, а вот строк службы, даже здесь, в госпитале, был основным преимуществом и признавался беспрекословно.

Гера оказался Сашкиным соседом по койке и как то с первых дней проникся к нему почти братскими отношениями.

Может потому, что Сашка поставил на место Грушу, - Мишку Григорьева. Тот всего лишь на полгода старше Геры, но гнобил его нещадно. Как только Гера возвращался вечером с КПП, начинались представления. Старослужащие смотрели на все с ухмылкой, сквозь пальцы, молодые - украдкой, - лишь бы их не трогали, а Гера, - то показывал дембельский поезд, то спящего кота, то утреннего петуха. Он всячески старался приходить в палату после отбоя, но у дежурных телефонисток на КПП было четкое указание – дневального отпустить до вечерней поверки. Вольнонаемные женщины вроде бы и не имели воинской власти над солдатами, но были как бы за старших. К тому же, действовало, негласное распоряжение начальника госпиталя: дневальный по КПП частично подменял телефонистку на коммутаторе. Надо же ей покушать, например. Кто-то из телефонисток додерживался требований, кто-то нет, поэтому Гера через раз, но все же попадал на представления.

Сашка только первый вечер молчаливо наблюдал за тем, как корячится Гера. Тот вроде бы старался во всю, но на его покорном красном и потном лице в какой-то миг блеснули слезы. Сашка отвернулся, - может, показалось.

В ту ночь он также долго пытался уснуть. А перед глазами стоял варочный цех, ...он в наряде. Драит уже давно чистые полы. Повар-«чурбан», пинает его, сидящего на полу, уже практически без сил и еле выговаривая на русском орет: «Бистрээ, чурка! Бистрээ!!!». Уже третий час ночи, уже

все сделано, но его не отпускают. «Бистрээ!!!» через каждые десять—пятнадцать минут подзатыльник или пинок сапогом под ребра, чтоб не уснул. Причина понятна, за день до наряда нагрубил деду, - это расплата... и так всю ночь. Снова и снова. Это уже не служба, не наряд, - месть, пытка.

Да и до того, сколько было унижений, насмешек, порой неприкрытого издевательства, тычков и толчков, под-дых и по почкам: «Служи, воин! Защищай Родину!».

И от кого терпеть? Тупых и ограниченных, полуалкашей-полузеков...

В очередную десятиминутку мелькает мысль, - может повеситься, ну его все к черту. Эту службу. Дедов. Чурбана-ару, не понимающего, что он сам чурбан. Бросил тряпку и машинально нащупал солдатский ремешок на брюках. Пойду, в картофелечистке есть за что зацепится, да и пусто там. Пацаны уже ушли.

Даже мысли ворочал, как мешки. Тяжело и натужно. Зачем это все..., пойду... хватит...

Подполз, прислонился к холодной кафельной стенке варочного цеха. Собирался с силами. Сейчас, только соберу себя и пойду... Может только на секунду закрыл глаза и вдруг, - Нинка. Стоит, улыбается, как тогда, на вечеринке.

...Провожали в армию одноклассника. И что тогда случилось с ними? Вроде бы два года в одном классе, школу закончили и ничего, никаких чувств. А тут, вдруг вспыхнуло. Закружило, понесло, может быть, атмосфера веселья и ка-

кого-то школьного братства, вдруг разогрела, растормошила чувства более высокого плана. Может то была и не любовь. Но что-то чистое, доброе. Теплое. Держал в ладонях ее ладошку а казалось весь мир обнял. Танцевали, просто смотрели в глаза друг другу, искали в толпе гуляющих, а находя, словно через пространство и время чувствовали единение двух душ.

- Что за черт, это же Нинка! Я ее сто лет знаю, - мелькало в сознании. - Она - да не она, - отзывалось луною в сердце. Уже потом, после того вечера намеревался несколько раз поехать к ней. Да все останавливался. Что я ей скажу. Тогда все было без слов понятно, легко и просто. Празднично. Праздник минул, о чем говорить. Вроде бы и не угасло, но и гореть вроде бы ни к чему. А может, пусть останется вот таким недосказанным, нетронутым, нецелованным... пусть.

Она и раньше приходила в его уже солдатские сны мелькала, как далекое отражение гражданки, мира, покоя и почти мгновенно исчезала. Утром он иногда с благодарностью вспоминал этот образ, иногда вскакивал от резкого «Подъем!», понимая, что на какие то секунды задержался в этих ночных видениях, которые странное дело, длились одно мгновение, но как-то ухитрялись удержать его в момент утренней пробудки. Боковым зрением схватывал, как пацаны уже стучат по полу сапогами, клял себя за то, что все еще путается в брюках и Нинка уходила, исчезала без его мысленного «прощай» и долго потом не являлась. Иногда он даже

просил показаться, присниться, - хоть как-то разбавить своим присутствием этот чадный непонятный и бессмысленный мир команд, подчинений, куража и безправности.

В этот раз она не улыбалась. Картинка была четкой и казалась реальной. Она смотрела как бы в сторону. Она всегда так смотрела. Немного в сторону, но в уголках ее глаз стояли слезы. Она плачет! Словно удар, вспышка. Один момент на осознание происходящего, а потом опять удар, - уже реальный, сапогом под дых: - Спишь чурбан!!! Бистро работать!»

И где только силы взялись. Как сидел, не поднимаясь, подсек под ноги горбоносого ару. Тот рухнул на намытые полы. Поварской колпак, падая, зацепился за варочный котел белым флагом капитуляции. Глухой стук головы о плиточный пол прозвучал набатом: «Все, Сашка, конец тебе!»

Встал и молча пошел к выходу. Старался удержать перед глазами тот полуреальный девичий образ, что удерживал и вел, будил какое-то шальное безразличие: «А пошли вы все... Не будет того..., не дождетесь, не пойду я в картофелечистку, бить буду вас, гадов. Убьете, ладно и черт с вами. Но сам я не пойду!».

Но биться не пришлось. Может она, Нинка, отводила. Ее образ, может просто мысли о ней. А он думал о ней. Не часто, словно берег этот образ до момента, когда станет уж совсем невыносимо тяжело. Когда одолеет проклятая тоска и безысходность надавит на горло грубым протектором солдатского сапога. Никто его после того случая практически не трогал,

пару раз обошлось мелкими стычками: пару ударов под дых и раз по носу. Все как-то так мелочно, обидно и неприятно, но не значимо, так, что и в драку ввязываться незачем.

Первые полгода минули, служба потихоньку входила в свое русло. Воинские порядки уже не тяготили, наоборот все больше и чаще стало приходить удовлетворение от этой стойкости и незыблемости армейской жизни, когда ты наперед знаешь, что и как будет и - никаких неожиданностей и катаклизмов. А что подчиняться и исполнять, - так и ты уже младший сержант, уже отдаешь приказы и вправе рассчитывать на их исполнение. Все нормально. На то она и служба. Не на прогулке, на защите Родины, как говорит замполит.

И Нинка стала являться другой, как бы немножко отдаленней. Но от того еще более манящей и привлекательней. Он уже не искал ее помощи и поддержки. Обнимал ее мысленно и отпускал. Однажды приснилась: только силуэт, спиной к нему; уходит в туман и только цепочка следов на росистой траве все длинней и длинней. И хочется ее окликнуть, а голоса нет, а потом вдруг приходит понимание, - а и незачем...

Пару раз порывался написать ей письмо, рассказать обо всем. Вначале, готовился, искал слова. Не хотелось плакаться, показаться ей слабым или беспомощным. Потом подумалось: зачем ее тревожить, хотя бы и в благодарность. Не стоит ее подвергать этим страхам. Начнет беспокоиться. Переживать. Зачем? Потом стал бояться, а вдруг эти откровения

приведут к обязательствам. Время идет, мы меняемся. Вдруг я приду с армии, а она совсем не такая, какой видится мне, да и у нее может, есть кто-то. А тут я со своими признаниями. И что ей с этим делать? Ладно, решил, приду с армии, увижу ее и тогда решу: рассказывать или нет. Каким тоном и с каким смыслом. Все будет потом.

Все это всплыло, прокрутилось каруселью после унижений Геры. Эта рыжеволосая покорная бессловесность напомнила Сашке кто он. Разве можно чувствовать себя человеком, унижая другого. Даже не препятствуя унижению со стороны иных над другими. Замысловато как-то я формулирую, - подумал он уже в полудреме, ну ничего. Завтра..., завтра...

Наверное после того, что произошло на завтра, Гера и стал относиться к Сашке с такой преданностью.

Вечером Гришка, в предвкушении новых удовольствий, как только Гера появился в палате зычно скомандовал «Гера, ко мне! Мышей ловить стройся!».

Гера с готовностью вытянулся перед своим мучителем: «Есть!»

- Отставить, - бросил в полголоса Сашка, - Гриша, ко мне, строевым.

Палата застыла в ожидании чего-то нового. Григорьев недоуменно поглядывал по сторонам, понимая, что команду исполнить надо. Все-таки «дед» приказывает, но все еще надеясь, что кто то или что то изменит ситуацию. Да и как идти строевым - в больничных шлепках. Он и не дошел, растерял

шлепки по дороге, за что тут же получил от Сашки выговор за ненадлежащий вид.

- На исходную, - бросил Сашка в его недоуменное квадратное лицо з явными признаками дебилизма. - Бегом! – крикнул Сашка ему вслед и как только тот, собрав шлепки, встал возле своей кровати, вновь скомандовал: - Ко мне, боец! Строевым!

Сашка понимал, что он сам становится Гришкой, сам ставит себя на место человека, которого вчера осуждал. Все понимал, но не мог отказаться от возможности наказать этого тупорылого садиста. Да и не поймет он по-другому, просто не способен, в силу своих «высочайших» интеллектуальных способностей. Такие понимают только когда мордой в асфальт, когда сапогом по почкам... Но бить мы тебя не будем, хватить с тебя и морального мордобоя.

Через полчаса, в течении которых Гришка безуспешно пытался дойти в шлепках до Сашки, его докладах о количестве наложенных взысканий и молниеносных возвращений на исходную, Сашка, понимая что близится час вечерней проверки, при последнем неудачном подходе встал, подошел к Гришке, и похлопав по плечу, произнес: «Ну, ничего, уже лучше, но нужно тренироваться. Понял!? - Рывкнул что было сил в его свиное оттопыренное ухо.

- Так, точно! – бодро ответил Гришка

- Смотри, если не понял - завтра повторим, - пообещал Сашка и милостиво добавил: - Вольно, боец!

Утром Гера взялся было заправлять Сашкину кровать. Но тот как раз вернулся с умывальника и жестом остановил, отсранил, - я сам в состоянии заправить свою кровать. Безсиле, Гера, так же противно как и насилие, - прознес он тихо но внятно, - уважай себя.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.